

Отец, разумеется, не мог слышать сыновьих мыслей. На обратном пути, глядя на сына, горделиво восседающего на коне впереди, отец испытывал глубокое удовлетворение и мысленно приписывал себе заслугу, считая, что годичный план по перевоспитанию непутевого отпрыска успешно завершён.

**

Осенние листья в храме Древнего Лотоса облетали, падая на плечи. Сидевший верхом Чэнь Юй стряхнул сухие листья. Сопровождавший его Дун Вань сказал:

— Молодой господин, снова осень.

Дун Вань подросток, был белокож и чист, на лице ещё сохранялась детская округлость. Пока что он мог лишь бегать по поручениям. Лошадь вёл другой слуга по имени Пань Чжэнь, лет двадцати с небольшим, человек степенный, дальний родственник управителя Пань Шуня.

Чэнь Юй добрался до конца Почтовой улицы и свернул в неприметный глубокий переулок. На середине пути он спешился, Дун Вань взял коня под уздцы, и они вместе направились к дому Чжао Юшэна у Двора Муцзун. Старый слуга семьи Чжао, У Синь, принял поводья, служанка А Сян вышла навстречу и пригласила Чэнь Юя в главный зал, подав чаю.

Со слов А Сян выходило, что матушка Чжао увела Чжао Юцина в храм для молитвы, а У Чу отправился в уезд Нин встречать Чжао Юшэна.

Чэнь Юй отхлебнул чаю и увидел, как в зал вошла миловидная, но незнакомая служанка с фруктами. Он давненько не бывал в доме Чжао и не знал, когда здесь появилась новая девушка.

А Сян сказала служанке:

— А Цзинь, поставь фрукты и пойдём со мной убираться наверху.

А Цзинь тихо ответила:

— Слушаюсь.

Чэнь Юй пробыл в комнате недолго, как услышал снаружи голос Чжао Чжуанде и тут же поднялся навстречу.

Рядом с Чжао Чжуанде был Чжао Дуаньхэ. Оба были прежними: Дуаньхэ — высокий и худой, как жердь, а стоявший рядом Чжуанде по-прежнему круглолиц и низкоросл, хоть и должен был немного подрасти.

— Сяо Юй, А Шэн в письме пишет, что прибудет пятнадцатого числа этого месяца, то есть

послезавтра. — Чжао Чжуанде был в курсе дел, он и с Юшэном переписывался.

— Я тоже от У Чу слышал.

С тех пор как погода стала свежей, Чэнь Юй часто посылал слуг в дом Чжао разузнать, когда же вернётся Чжао Юшэн.

— Когда вернётся, устроим ему пышную встречу, настоящий пир в Башне Весеннего Ветра! — С возрастом карманные деньги Чжуанде явно прибавились, и щегольнуть он мог с размахом.

— Подождём, пока вернётся, а то, боюсь, это будет неуместно. — Чжао Дуаньхэ, как всегда, был благоразумным. Отец Чжао Юшэна вряд ли бы одобрил. Башня Весеннего Ветра — место разорительно дорогое, да и года Чжуанде с Сяо Юем ещё не те, чтобы играть роль завсегдатаев винных заведений.

Чжао Чжуанде надул губы:

— Эх, с дядей Шимьянем вообще ничего нельзя.

Батюшка Чжао Юшэна, Чжао Шимьянь, был высок, статен и внушителен. Не только Чжуанде — все детишки из Двора Муцзун его побаивались.

Когда тройца собралась, они вместе вышли за ворота. На пороге Чжао Чжуанде сказал:

— Раньше я не знал, что Сяо Юй тоже ходит в чайную «Цинчжоу» слушать сказителей. Мы с Дуаньхэ часто туда наведывались, а я больше всего люблю слушать истории господина Ко Чэнсана.

— Я тоже, значит, впредь можем ходить вместе. — Чэнь Юй обрадовался: они снова собирались вместе.

С тех пор как Чжао Юшэн отбыл в уезд Нин, Чэнь Юй редко виделся с Чжао Чжуанде и Чжао Дуаньхэ. Теперь, когда тот собирался вернуться, все вновь собрались. Без сомнения, Юшэн был стержнем их дружеской четвёрки.

В тот день они договорились пойти в чайную «Цинчжоу» послушать сказителя. Это заведение любили простые горожане, истории, которые рассказывали там, были не только близки народу, но и увлекательны. Непонятно только, как такие знатные отпрыски императорского рода, как Дуаньхэ и Чжуанде, умудрились набрести на такую чайную.

Чайная «Цинчжоу» располагалась у канала, по которому ходили грузовые лодки, — место оживлённое и беспокойное, куда стекался народ со всех четырёх морей и десяти земель. Чэнь Юй знал об этом месте, где сходились все и вся, потому что этот канал вёл к водным воротам Управления морской торговли. Любой морской торговец хоть раз проплывал здесь, и Чэнь Юй

бывал тут несколько раз с отцом и братьями.

Вывеска чайной «Цинчжоу» была простовата, внутри сидело полно посетителей. Все трое были завсегдатаями, хозяин чайной их знал и сразу пригласил наверх, в отдельный кабинет, где и чай был получше, и цена повыше.

Троица выбрали наилучшее место — близко к сказительной эстраде, да ещё и с видом из окна на оживлённое движение судов и пешеходов.

Когда гости уселись, подошёл хозяин подать чай. Чжао Чжуанде тут же спросил его, какую историю будут рассказывать сегодня и продолжат ли прерванную в прошлый раз «Повесть о Чжане Чао». Хозяин пробормотал название сегодняшней истории и поспешно ретировался.

— Сегодня «Повесть о Чжане Чао» не будет, господина Ко Чэнсана избили, ногу сломали.

После ухода хозяина служка, подававший чай и закуски, тайком сообщил им.

— Как же так вышло, что господина Ко Чэнсана изувечили? — Чжао Чжуанде был потрясён. Он обожал «Повесть о Чжане Чао», где главный герой, Чжан Чао, был хитрым, остроумным коротышкой, который вечно заступался за обиженных и сражался с негодьями и могущественными кланами.

Слуга огляделся по сторонам, понизил голос:

— Само собой, сочинил историю, которую сочинять не следовало, сказал то, чего говорить не следовало, и прогневал одного потомка императорского рода. — Слуга был невеждой и не повинен: он понятия не имел, что среди этих троих гостей двое как раз и были потомками императорского рода. Будь он в курсе — ни за что бы не осмелился такое ляпнуть.

— Какой потомок императорского рода это сделал? — Чжао Чжуанде был поражён ещё больше.

Слуга хотел было продолжить, но его окликнул хозяин. Тот, видимо, был глазаст и сразу раскусил, что Чжао Чжуанде — отпрыск императорского рода.

Чжао Дуаньхэ нахмурился, задумавшись. Парок поднимался от чашки с чаем перед ним. Он словно про себя промолвил:

— Не та ли это история про старого солдата Линь Чжуна, который гусей пас? — Его семья жила среди простого люда, так что о народных делах он знал побольше.

Чжао Чжуанде опешил и тут же спросил:

— Дуаньхэ, расскажи, что за история?

— Старый солдат Линь Чжун вырастил двадцать гусей, хотел продать откормленных, чтобы собрать дочери приданое, но не вышло — гуси зашли на поля одного потомка императорского рода, и злые слуги того дома переловили их всех, сожрали, оставив лишь кучу перьев.

Чжао Дуаньхэ поднял чашку, отхлебнул, на уголке рта осталась пена от чая. Он аккуратно стёр её большим пальцем.

— Всего лишь история, чего же человека калечить? — Чжао Чжуанде взял серебряную вилочку, чтобы наколоть засахаренных фруктов, но вдруг остановился и воскликнул:

— Погоди, кажется, я слышал об этом!

Чэнь Юй среди них был младше всех и просто слушал. Но когда Чжао Дуаньхэ рассказал, как откормленных гусей сожрали слуги потомка, он сообразил быстрее Чжуанде. История была подлинной, и слуги не только не заплатили за гусей, но ещё и избili старого солдата.

Юанья рассказывал ему эту историю, говорил ещё, что старый солдат был человеком способным, но в молодости, выходя в море, попал в канат и лишился руки, отчего жизнь его и стала тяжкой.

Чжао Дуаньхэ бросил на Чжуанде осуждающий взгляд. От его возгласа соседи за соседним столиком тут же обернулись. Чжуанде отхлебнул чаю, чтобы успокоиться, и понизил голос:

— Это же случилось в поместье Чжао Цзичжоу, верно?

Чэнь Юй и Дуаньхэ кивнули.

— Все эти потомки от рода Си — сплошь ослы-воры! Опять позорят доброе имя нашего клана, просто бесит! — Чжуанде откусил засахаренный фрукт с вилки, прожёвал и злобно проговорил.

Чжао Цзичжоу и Чжао Цзидао были двоюродными братьями, их ветвь была самой многочисленной среди местных потомков императорского рода, да и многие из них занимали посты в Управлении по делам императорского клана.

— Сожрать чужих гусей и избить человека — это уже перебор, а они ещё и господина Ко Чэнсана изувечили! — Чжуанде чем больше думал, тем больше злился. Ему теперь долго не услышать «Повести о Чжане Чао». В праведном гневе он воскликнул:

— Да есть ли ещё закон в Поднебесной? Потомок императорского рода, свершивший преступление, должен быть наказан наравне с простолюдином!

— Кх-кх... — Чжао Дуаньхэ поперхнулся чаем.

Чэнь Юй потянулся со своим носовым платком, чтобы подать Дуаньхэ, но тот сделал знак, что не надо, и вытащил платок из кармана Чжуанде.

Вскоре белоснежный шёлковый платок Чжуанде оказался испачкан пёстрой чайной пеной, смят в комок и сунут обратно в его же карман.

Чэнь Юй тихо слушал их разговор. Когда дело касалось потомков императорского рода, ему нечего было вставлять, он лишь размышлял, серьёзно ли ранен господин Ко Чэнсан и сможет ли он впредь рассказывать истории.

На эстраде появился новый приглашённый сказитель, шум в чайной постепенно стих. Сказитель прочистил горло и коротко представил, какую историю будет рассказывать сегодня. Чжао Чжуанде нашёл это пресным — не та история, которую он любил. Он огляделся по сторонам и увидел, что Чэнь Юй недвижно смотрит в окно. Спросил:

— Сяо Юй, на что смотришь?

Чэнь Юй увидел внизу Чжэн Юанья. Тот плыл на лодчонке по каналу, рядом с ним был его ровесник, внук астронома Ли Шианя. Видимо, они направлялись в Управление морской торговли.

Чэнь Юй указал на двоих внизу и сказал:

— Это Чжэн Юанья и внук астронома.

Чжао Чжуанде тут же вытянул шею, чтобы выглянуть. Он слышал о Чжэн Юанья. В указанном направлении он увидел высокого мужчину, стоявшего на носу лодки, одну руку на поясе, с саблей на боку — вид внушительный, отдающий разбойничьей удалью. С любопытством спросил:

— Сяо Юй, а семья Чжэн и вправду морские разбойники?

— Раньше были. — Чэнь Юй ответил честно.

<http://bllate.org/book/15279/1348828>